Второй приезд в город металлургов

Глава из новой книги о директорском корпусе Магнитки

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОРОНОВА в Магнитку в качестве креатуры ЦК в 1951 году обеспечивало ему необходимый «защитный зонт» от различного рода подозрений вышестоящих партийных и контрольных органов. Такое прикрытие аппарата имело особое значение, так как именно в это время наблюдается всплеск сталинских кадровых чисток в регионах. Цель кадровой перетряски состояла в попытке преодоления чрезмерной централизации управления экономикой республик, краев и областей, ослабление которой в Москве видели в замене конкретных лидеров регионов. Была и другая задача – обновить состав послевоенной местной номенклатуры новой управляемой генерацией партийных и хозяйственных работников.

Эта тенденция хорошо прослеживается на примере Челябинской области. Общая атмосфера здесь в конце 40-х – начале 50-х годов была тревожной. Волна чисток в этом металлургическом и машиностроительном крае прежде всего коснулась хозяйственников.

Просматривая записи июльских заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) за 1949 год, мы обратили внимание на пункт 308-с протокола № 442, гласившего о снятии И. М. Зальцмана с поста директора Кировского Челябинского завода. Комиссии партийного контроля при ЦК было поручено рассмотреть материалы о непартийном поведении Зальцмана, которого обвинили в «бытовом разложении» и в том, что он расправляется с неугодными ему людьми.

И. М. Зальцман был известный в стране государственный и хозяйственный деятель. С июля 1942 по июнь 1943 г. являлся народным комиссаром танковой промышленности, с июня 1943 по июль 1949 успешно руководил крупнейшим в СССР Челябинским заводом по производству танков. По оценке заместителя Председателя Совмина СССР В. Э. Дымшица, И. М. Зальцман был крупный специалист танковой промышленности. О Зальцмане вспомнил и Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Рассказывая о Кировском заводе, он подчеркнул, что осенью 1941 года это предприятие было превращено в опорный пункт обороны Ленинграда. На этом предприятии производили тяжелые танки КВ. Возглавлял завод И. М. Зальцман, который был тогда в ранге заместителя народного комиссара танковой промышленности. Часть оборудования этого завода была эвакуирована в Челябинск. Отсюда название завода в официальных партийных документах – «Кировский Челябинский завод». Зальцман работал в тесном контакте с магнитогорскими инженерами-сталеплавильщиками, которые обеспечивали высокое качество броневой стали для челябинских боевых машин. Энергичного, смелого и заслуженного директора челябинского «танкограда», Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР, генерал-майора инженерно-танковой службы, послевоенная репрессивная машина не пощадила. Правда, в 1955 году И. М. Зальцмана восстановили в партии, но уже выше директора механического завода управления капитального ремонта жилых домов Ленгорисполкома ему не суждено было подняться.

По обнаруженным нами архивным материалам можно сделать вывод о том, что первая попытка поставить под прямой партийный контроль работу директорского корпуса Челябинской области была предпринята еще в 1935 году. Тогда инициатором усмирения хозяйственников выступил сам Челябинский обком партии. По замыслу обкома, именно директор Челябинского тракторного завода того периода Брускин должен был стать показательной для остальных хозяйственников области фигурой «бескомпромиссного» партийного руководства. Но неожиданно для местной партийной верхушки в защиту директора выступил И. В. Сталин. Вождь направил тогдашнему секретарю обкома партии Рындину грозную телеграмму, в которой запретил областным советским и партийным организациям заниматься проверкой качества челябинских тракторов и даже условиями их производства и вести кампанию против директора завода Брускина.

Любопытны аргументы, которые при этом приводил Сталин. Он напомнил партийным руководителям области, что Челябинский тракторный завод является предприятием всесоюзного значения и недостатки тракторов этого завода, если они, замечает Сталин, действительно имеются, *«должны быть установлены ЦК и Совнаркомом совместно с НКТяжпромом, Наркомземом и Наркомсовхозов»* (курсив наш). Сталин предложил немедленно прекратить проверку качества и выяснения недостатков челябинских тракторов силами местной партийной организации, а материалы и предложения переслать в распоряжение ЦК и Совнаркома.

За содержанием этой телеграммы явно прослеживался С. Орджоникидзе, который в тот период обладал огромным влиянием на Сталина и не допускал несанкционированного вмешательства в дела своего огромного ведомства, оберегая «своих» командиров производства от каких-либо посягательств со стороны.

Заметим: тогда, в 1935 году, «челябинское дело» не повлекло за собой никаких серьезных последствий ни для директора, ни для секретаря обкома партии.

В послевоенной стране была иная обстановка. Достаточно вспомнить дело ленинградской «антипартийной группы», кампанию против «космополитизма», разгром Министерства государственной безопасности, «дело врачей», повсеместные кадровые перестановки.

Набирало силу послевоенное усмирение руководящих кадров. Его диапазон расширялся и коснулся многих региональных партийных комитетов. Через пять месяцев после «дела Зальцмана» в ЦК вновь вспомнили об этом директоре, когда здесь было заведено новое «челябинское дело». На этот раз жертвой стал секретарь Челябинского обкома ВКП(б) А. А. Белобородов. С января по декабрь 1950 года ЦК несколько раз возвращалось к этому «делу», добавляя к нему все новые и новые детали.

«Дело» было заведено в начале года после проверки работы Челябинского обкома инструктором отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) Подугольниковым. В подготовленной им справке подробно перечислялись недостатки в работе обкома. Сам документ представлял собой образец номенклатурного творчества. Что только не вменялось в вину секретарям обкома Белобородову и Лескову! Они, оказывается, беспринципно относились к «безобразиям» Зальцмана, к тому времени уже исключенного из рядов ВКП(б), а самое главное – скрывали сигналы о непартийном поведении директора от ЦК. Досталось Белобородову за то, что он «оберегал и поддерживал проваливших секретарей Магнитогорского горкома», что Челябинское издательство выпустило книги, в которых пропагандировались чуждые советским людям индивидуализм, тщеславие, нерасположение к труду, что колхозникам были розданы сенокосы при невыполнении плана накопления кормов для общественного животноводства и за многое другое в том же духе.

Политбюро ЦК утвердило решение оргбюро о созыве в январе 1950 года пленума Челябинского обкома партии, на котором после доклада представителя ЦК о недостатках в работе обкома А. А. Белобородов был снят с работы.

Воронову изрядно потрепали нервы, но в итоге он получил новое назначение – должность главного инженера ММК

А до этого ЦК прошелся тяжелым катком по Челябинскому обкому ВЛКСМ. В Москву был вызван А. А. Белобородов, чтобы дать объяснения по поводу положения дел в областной комсомольской организации после проверки, которую проводил ЦК ВЛКСМ. Сообщение секретаря ЦК комсомола Михайлова имело предсказуемый результат: были сняты с работы первый секретарь обкома комсомола А. Я. Борисов, секретари обкома Н. Д. Спорыхин, И. А. Бабикова, секретарь Челябинского горкома комсомола М. Г. Воропаев и секретарь Магнитогорского горкома комсомола Н. П. Макаров. Объяснение же Белобородова никоим образом не повлияло на это решение, ему самому объявили выговор за то, что он неправильно вел себя по отношению к Зальцману, к тому времени уже снятому с поста директора тракторного завода.

Теперь ясно, что тот выговор, вынесенный А. А. Белобородову в ходе рассмотрения «дела Челябинского обкома ВЛКСМ», служил сигналом аппарату ЦК для раскручивания кампании против этого партийного работника.

Белобородова не оставили в покое даже после лишения его поста секретаря обкома партии. Преследования только набирали оборот. Добивать поверженного – одна из давних традиций аппарата. Вскоре началась проверка бюджетно-финансовой работы Челябинского обкома. Ничего серьезного не было обнаружено, но Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) установила, что в 1948–1949 гг. руководящие работники обкома партии и облисполкома «при поездках в служебные командировки незаконно получали продукты, стоимость которых возмещалась из бюджетных средств облисполкома, а также, в нарушение установленного порядка, не вносили квартирную плату и не оплачивали расходы за коммунальные услуги». Бывшим секретарям Челябинского обкома партии А. А. Белобородову, Г. И. Волошенко, бывшему председателю Челябинского облисполкома И. В. Заикину и другим объявили выговор, после чего пострадавшие оплатили расходы.

Этот случай примечателен тем, что Бюро КПК на основании материалов Управления делами ЦК направило в ЦК проект решения, в котором сообщалось, что комиссия партийного контроля «установила» (именно «установила», а не как-то иначе) приведенные выше факты. Это была ложь, так как подобными привилегиями в послевоенное время пользовались большинство крупных партийных и хозяйственных работников. И не знать об этом не могли в ЦК, а уж тем более в КПК. Но Сталину и его аппарату понадобилось приструнить прежнюю региональную элиту, посеять страх в рядах тех, кто приходил ей на смену, и на этой основе вызвать беспрекословное послушание.

Ф. Д. Воронов на собственном опыте испытал урок сталинского аппарата. Работая до переезда в Магнитку главным инженером Енакиевского металлургического завода им. Дзержинского, Воронов неожиданно подвергся проверке со стороны Министерства государственного контроля СССР на предмет правомерности использования им заводского имущества без оплаты за его амортизацию, а также соответствия размера суммы вносимой им платы за коммунальные услуги действовавшим тарифам.

Проверка выявила нарушения со стороны Воронова. От него потребовали уплатить заводу за амортизацию имущества, находившегося в его личном пользовании, но которое принадлежало предприятию, приличную по тем временам сумму – 5865 руб., а также вносить квартплату на общих основаниях. Воронов в письме начальнику ГУМПа Юга и Центра В. С. Бычкову объяснял, что по установленному самим Главным управлением порядку оплата за квартиру, коммунальные услуги и амортизацию для директора завода и главного инженера была установлена в сумме 150 руб. в месяц. Он напомнил, что имущество, за которое ему полагается уплатить амортизацию, было установлено на квартире до него, и что он предлагал ЖКО вывезти заводскую мебель, а квартплату уже вносит на общих основаниях. Воронов откровенно признавался, что у него нет таких больших денег, чтобы рассчитаться за амортизацию имущества. Письмо Воронова ГУМП направил в Министерство государственного контроля СССР с ходатайством смягчить меры наказания. Однако из министерства пришел ответ не только с повторным требованием оплатить долг, но даже с угрозой, что, в случае, если этого не произойдет, дело будет передано в суд. Перепуганный министр металлургической промышленности СССР А. Н. Кузьмин, пытаясь помочь Воронову, подключил в помощь заместителя председателя Совмина СССР И. Ф. Тевосяна. Но и после этого Министерство государственного контроля свое решение не отменило. Тогда специальным приказом министра Кузьмина Воронову было разрешено погасить долг путем ежемесячных взносов по 150 руб.

Своеобразная «бытовая чистка», предпринятая аппаратом ЦК и центральными союзными структурами в начале 50-х гг., имела еще цель проверки руководящих кадров регионов на понимание ими складывающихся новых норм партийной морали, которые можно выразить примерно так: «Нарушать установленный порядок иногда можно, но только получив на это согласие вышестоящих руководителей». Белобородов и Зальцман эту чистку не прошли.

Воронову, конечно, изрядно потрепали нервы, но в итоге он получил, как мы теперь уже знаем, новое назначение – должность главного инженера Магнитогорского металлургического комбината. В Москве не сомневались, что успешно прошедший бытовую чистку новый главный инженер сумеет сосредоточиться на технической стороне дела и обеспечит необходимые условия для нормальной работы огромного завода. И там не ошиблись.

Валерий КУЧЕР.